жения, становится средством избавления от «чудесности описаний», от «миражей», которые были порождены «любовью к жизни» пополам со «смертью в душе» [2].

В сущности именно восприятие реальности Магриба как столкновения «глубокого отчаяния» с «таинственным безразличием одного из самых прекрасных пейзажей мира» (Камю) или же с неистовой любовью к стихиям света и моря и было тем решительно не принимаемым способом изображения жизни, который и заставил магрибинских писателей искать более «надежные» художественные решения для отражения своей действительности. Франкоязычная литература на протяжении многих лет предлагала разные варианты осмысления окружающей реальности, но общим было одно: полнокровный и полный жгучих проблем мир Магриба никогда не исчезал и не растворялся в стихиях и безднах царства «солнца и моря». В этой связи особенно характерным в творчестве современных писателей, вышедших на арену литературной жизни в Магрибе в конце 60-х — начале 70-х годов, становится пересмотр «эстетики солнца» как признака «магрибинской сущности».

«Эстетику солнца» исповедовали многие «североафриканские» писатели из среды европейских поселенцев (в том числе Ж. Помье, Р. Рандо, Г. Одизио, Э. Роблес и др.). Но особо ощутима она в творчестве А. Камю. «Власть двух стихий» — солнца и моря, которая, по мнению французских «североафриканцев», определяла характер магрибинца, и составляла якобы саму сущность культуры Средиземноморья.

Внезапность переходов от умиротворения к ярости, от томления к неге и бунту — эти черты, приписываемые североафриканцу теоретиками колониальной литературы, становились сущностными чертами складывающейся здесь, как они полагали, особой нации, могущей слить воедино и европейцев, и африканцев. «Бракосочетание» моря и солнца должно было рождать «жар крови», «холод равнодушия и безволия» и одновременно «ничем не сдерживаемую ярость» [3].

Естественно, самим магрибинцам было важно обнажить в своих произведениях реальные детерминанты поведения человека, развеять миф об извечной власти над ним естественных стихий и показать действительные «условия человеческого существования». Вот почему, используя старые символы — знаки внешних примет «магрибинской сущности», ее «отметины», ее внешнюю оболочку, магрибинские писатели наполняют ее теперь новым смыслом.

«Власть солнца» в эстетике Камю иррациональна. Она предстает как господствующая над человеком стихия, управляющая его поведением. (В «Постороннем» Мерсо совершает свое преступление именно под воздействием нещадно палящего солнца, в состоянии «солнечного наваждения», державшего его сознание в постоянном плену сонного дурмана.) В романе алжирца Р. Буджедры «Солнечный удар» эта роковая сила имеет другой смысл. «Солнце само по себе представляет тот вид угнетения, которое подавляет нас извне,— пишет Буджедра.— Оно срывает с нас все покровы, выжимает нас, выворачивает наизнанку. Нервы становятся оголенными проводами, протянутыми между страхом и ликованием» [8, с. 219]. Но воздействие солнца лишь ускоряет процессы, происходящие с его героем уже давно. Именно в минуту наивысшего душевного напряжения, в минуту своих «приступов», когда вдруг вихрем начинают проноситься в мозгу виде́ния прожитой жизни, Мехди, герой Буджедры, чувствует, «как тысяча солнц тысячу раз» пронзают его голову.

Вот тут с ним и происходит то, что не случилось с героем Камю. Солнце, которое погружает Мерсо в состояние отрешенности от жизни, в душевный мрак, в романе Буджедры высвечивает смысл всего происходив-

---

[2] Мы имеем в виду эссе А. Камю «Любовь к жизни» (1936) и «Смерть в душе» (1937), входящие в сборник «Изнанка и лицо» [15].